

«НЕОЛИБЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО» В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Т.А. Алексеева

В одном из отечественных учебников по политологии глава о неолиберальных взглядах на государство начинается с жесткой констатации: роль государства в неолиберальной теории определить несложно. И хотя автор (или авторы) далее делают шаг назад и признают, что в процессе развития теории инструменты и стратегии неолиберализма стали намного отличаться от того, какими они были задуманы изначально», остается только позавидовать их наивной уверенности, что в нескольких тезисах можно изложить все богатство и противоречивость неолиберальной мысли. Бог, как известно, в деталях. И эти детали заставляют как минимум задуматься о направленности эволюции неолиберальных государственных воззрений, а как максимум усомниться в их одномерном расхожем понимании.

Начнем рассуждения с уточнения самого понятия «неолиберализм». Либерализм, как известно, был одним из наиболее мощных идеологических течений, во многом сформировавших политическую традицию Запада. Безусловно, он был продуктом разложения феодализма и развития капиталистического рынка. Ранний либерализм отражал устремления растущего «среднего класса» (буржуазии), отсюда — изначальная, даже генетически тесная взаимосвязь между либерализмом и капитализмом. Либералы рассматривали человека прежде всего как индивида, обладающего разумом, и исходили из того, что индивид должен обладать максимально возможной свободой, совместимой со свободой для других. Смысл либерализма, таким образом, состоит в обеспечении максимально возможной свободы индивида в

обществе и государстве. Хотя все люди рождаются «равными» в том смысле, что они обладают равной моральной ценностью и должны обладать формальным равенством и равенством возможностей, либералы, тем не менее, одновременно считают, что люди должны получать вознаграждение по заслугам, в зависимости от разного уровня талантов или работоспособности, и поэтому придерживаются принципа меритократии. Сущностью человека является собственный интерес, люди в преобладающей степени самодостаточны, опираются на собственные силы, несут ответственность за свою жизнь и ее обстоятельства. Либеральное общество, в их оптике, характеризуется разнообразием и плюрализмом и в политическом смысле организуется на основе двух базовых ценностей — согласия и конституционализма (либеральная демократия). Либерализм в своей классической интерпретации отличается приверженностью «минимальному» государству, функции которого ограничиваются поддержанием порядка внутри страны и личной безопасности граждан (государство — «ночной сторож»). Еще на рубеже XVII—XVIII вв. английский философ Джон Локк сформулировал четыре основополагающих принципа либерализма: естественное равенство людей, свобода, собственность как результат хозяйственной деятельности индивида и, наконец, право человека защищать свое равенство, свободу и собственность. Адам Смит дополнил сказанное анализом экономического измерения либерализма, противопоставив авторитарической практике государственного монополизма учение о «невидимой руке» рынка, естественным образом регулирующей обмен

товарами, произведенными в условиях частной собственности. Как экономическая доктрина, либерализм подчеркивает достоинства саморегулирующегося рынка, а государственное вмешательство в экономику рассматривается не только как ненужное, но даже и несущее с собой угрозу нарушений в его работе. Опираясь на теорию «естественных прав» человека и утилитаризм, он стал одним из краеугольных камней в основании современной версии идеологии либертариизма.

Таков в самом общем виде «классический либерализм». Что же касается современного либерализма (неолиберализма), то здесь предстает совершенно иная картина. В конце XIX в. впервые появился социальный либерализм, который более благосклонно относился к социальным реформам и к государству, что было предопределено идеей о том, что нерегулируемый капитализм создает новые формы несправедливости. Поэтому государственное вмешательство может расширить свободу, обеспечив индивиду защиту от социального зла. Если «классические» либералы понимали свободу в «негативном ключе» как отсутствие ограничений для индивида, то неолибералы связывали свободу с развитием и самореализацией личности. В этом происходило частичное взаимоналожение двух идеологий — неолиберализма и социал-демократизма. Это был первый знаковый шаг в направлении разрушения «классического» либерального государства.

Лишь спустя почти столетие на Западе зарождается и быстро приобретает сильное влияние политико-культурное течение «новых правых», объединившее неолибералов и неоконсерваторов. Историю современной версии неолиберализма можно проследить с 1970-х годов, когда стали очевидны провалы кейнсианской модели экономического регулирования, совпавшие по времени с окончанием послевоенного бума¹. В каком-то

смысле неолиберализм представлял собой контрреволюцию, направленную против послевоенного усиления государственного вмешательства и распространения либеральных и социалистических ценностей. Наибольшую популярность эти идеи приобрели в Англии («тэтчеризм») и США («рейганизм»). Позднее они вышли далеко за пределы первоначального русла и сыграли важную роль в обращении либеральных и социал-демократических мыслителей в сторонников рынка. В этом отношении именно «новые правые» сумели преодолеть «про-государственную» тенденцию, которую можно проследить на протяжении всего XX столетия, в особенности после 1945 г., и утверждению соответственно альтернативной «про-рыночной» тенденции.

Можно согласиться с точкой зрения российского исследователя С.А. Макаренко о том, что подъем неолиберализма был тесно связан с политикой «коллективного Запада» и был в первую очередь продиктован несомненным желанием восстановить авторитет и влияние Запада после его «отступления» в 1950–1960-е годы (распад колониальной системы, Карибский кризис, ракетно-ядерный паритет с СССР и т.д.) и привести свое политическое и идейное влияние в соответствие с его объективным экономическим и технологическим превосходством. Скажем прямо, во многом эта попытка удалась. «Так что, рассуждая о «китайском чуде», о странах БРИК, нельзя забывать, что их подъем (который многим хотелось бы объяснить «концом либерализма») только на экономическом либерализме Запада и был основан. Да и сейчас успех китайского роста (на который молятся финансисты всего мира) зависит от того, что Америка сможет у Китая купить. Это — не отрицание успехов китай-

шестьдесят неолибералы и неоконсерваторы. Это позволило объединить их под одним названием «новых правых», поскольку их основной пафос был направлен на сокращение вмешательства государства в экономику и поддержку более свободного рынка.

¹ Практически одновременно критику существующей модели государства начали осу-

ской и индийской экономики, а поставка их в глобальный контекст»². Иное дело, что издержки этого тренда также оказались весьма тяжелыми (от надувания «финансового пузыря» до колоссального разрыва в уровне экономического развития и благоденствия между богатыми и бедными странами). Столь же важное значение имела и «перегруженность» наиболее развитых государств социальной ответственностью, «чрезмерной социальностью» — отсюда снятие с себя многих обязательств под лозунгами «высвобождения рынка».

Тем не менее, достигнув своего пика в 1980-е годы, идеология «новых правых» начала постепенно утрачивать свое влияние. Как представляется, это связано с двумя основными проблемами. С одной стороны, идеи «новых правых» не отличались связностью, во многих отношениях они даже противоречили друг другу: если неолиберализм поддерживает такие ценности, как свобода, свобода выбора, права человека и конкуренция, то неоконсерватизм привержен авторитету, дисциплине, уважению и обязанности. Соответственно в процессе развития неолибералы постарались высвободить динамику нерегулируемого капитализма, однако именно это начало представлять угрозу установившимся и традиционным ценностям, за которые ратовали неоконсерваторы. С другой стороны, под вопрос была поставлена долговременная жизнеспособность экономики свободного рынка. «Откат» государства, по-видимому, способствует проявлениям инициативы, интенсификации конкуренции и поддерживает предпринимательство, однако рано или поздно его недостатки становятся все более очевидными. Они проявляются, как правило, в краткосрочности транзакций, низком уровне инвестиций, особенно в наукоемкие сферы, углублении неравенства и росте социальной эксклюзии.

Иными словами, «неолиберализм» — это осовремененная версия «классического» либерализма и, главным образом, либеральной политической экономии. Его основными лозунгами являются рынок и индивид. Основная цель неолиберализма — вернуться к «границам государства», поскольку, по мнению теоретиков неолиберализма, нерегулируемый рыночный капитализм обеспечивает большую эффективность, экономический рост и способствует распространению процветания. Неолибералы полагают, что, «мертвящая рука» государства убивает инициативу и предприимчивость. Даже самые благонамеренные действия государства обязательно имеют разрушительные последствия для человеческой деятельности. Отсюда — поощрение приватизации, экономического дерегулирования, низких налогов и антивельферизма. Эти идеи нередко находили свое выражение в грубом индивидуализме. Достаточно вспомнить знаменитые слова Маргарет Тэтчер о том, что такая вещь, как общество, не существует, есть только индивиды и их семьи. «Государство-няня» (патерналистское государство) воспитывает культуру зависимости и подрывает свободу, понимаемую прежде всего как свободу выбора на рынке. И соответственно наоборот: в неолиберализме акцент делается на самопомощи, индивидуальной ответственности и предприимчивости³.

С этой позиции государство — это прежде всего «защитник», «гарант», «страховщик», задача которого — создать условия для мира и социального порядка, в рамках которых граждане могут

² Макаренко С.А. О гносеологии кризиса // «Господин Кризис, как Вас теперь называть?» Круглый стол // Полис. 2009. № 3. С. 14.

³ Именно в этом принципиальное отличие неолиберализма от либертариизма и неоконсерватизма, характерных для последней четверти XX в. И те, и другие защищают максимально широкую экономическую свободу, в чем-то возвращаясь к либерализму «laissez-faire», однако строя его на более традиционной, консервативной политической философии, подчеркивающей значение авторитета и обязанностей.

строить свою жизнь, как им будет угодно. Неолибералы вновь обеспечили легитимность государству, обратив внимание на то, что у государства есть также свои собственные интересы, сепаратные от интересов общества и функционирования экономики.

Неолиберализм, кроме того, продолжает играть весьма важную специфическую роль в анализе международных процессов, связанных с глобализацией. Более того, нынешняя модель глобализации даже получила наименование «неолиберальной».

Обсуждение вопроса о том, каким должен быть идеал глобализации, ее доминирующая форма, неизбежно приобретает нормативный характер, обнаруживая социальную-философскую природу явления⁴. При этом определяющим для характера оценки глобализации становится то, какой именно социальный идеал положен в ее основу. И соответственно приближение или удаление от сформированного идеала становится критерием оценки ее позитивных и негативных сторон.

Как считается, господствующий в настоящее время проект опирается на транснациональный неолиберализм, предусматривающий распространение дерегулируемой глобализации на основе политической инфраструктуры «демократического мира» и «расширении пространства свободы», т.е. представляет собой идеологизированную универсалистскую модель, утвердившуюся после окончания холодной войны⁵. Глав-

ной мотивацией неолиберализма является стремление к всемерному расширению рынка через рост численности, повторяемости и формализации транзакций. Соответственно идеал неолиберализма — вселенная, в которой рыночные обмены практически не имеют границ и осуществляются на основе конкуренции, повторяемые в кратчайшие временные отрезки, или, иначе, неограниченная экспансия рынка во времени и в пространстве. В отличие от «классического» либерализма, делавшего акцент на собственности, для неолиберализма приоритетными ценностями являются обязательства и контракт. При этом характерной чертой неолиберализма становится отсутствие связи между ростом числа сделок и производством, что в потенциции закладывает основу для кризисов. Неолиберализм, таким образом, разделяет рынок и производство, что было не свойственно ранним либералам, поскольку именно развитию производства уделялось первостепенное внимание в условиях более раннего модерна. На том этапе рынок был вторичным, носил поддерживающий характер. Неолиберальный «рынок» — также другое, значительно более широкое понятие, чем то, о котором писали «классики» либерализма.

Таким образом, неолиберализм представляет мир как метафору рынка, на котором национальные государства рассматриваются в качестве участвующих в обмене корпораций⁶. По мнению многих

⁴ Bauman Z. Globalisation: The Human Consequences. Cambridge : Cambridge University Press, 1998.

⁵ Характерное определение этому процессу дает Т. Фридман: «Глобализация означает распространение капитализма свободного рынка практически на все страны мира. Глобализация имеет свой собственный набор экономических правил, которые базируются на открытии, дерегуляции и приватизации национальных экономик с целью укрепления их конкурентоспособности и увеличения привлекательности для иностранного капитала» — Friedman T. Understanding

Globalisation. The Lexus and the Olive Tree. New York : Farrar Straus Giroux, 1999. P. 9.

⁶ Об этом писали некоторые российские авторы (В.Р. Евстигнеев, М.М. Лебедева и др.), отмечавшие, что само национальное государство начинает в ряде случаев (например, Исландия) вести себя подобно транснациональным корпорациям, заниматься несвойственным им видом деятельности — зарабатыванием денег. См.: Лебедева М.М. Что будет с государством после окончания экономического кризиса? — «Господин Кризис, как Вас теперь называть?» Круглый стол // Полис. 2009. № 3. С. 17–18.

исследователей, классический капитализм сошел со сцены еще в начале XX в. в связи с обобществлением средств производства и переходом их либо в руки государства (социалистический проект), либо в руки акционерных обществ (неолиберальный проект), таким образом, существенно отличающийся от предшествующего индивидуалистического либерализма «свободного предпринимательства». Таким образом, в центре неолиберального макро-проекта оказались корпорации, а не отдельные индивиды, при сохранении базовых либеральных ценностей как микро-проекта. Отчасти в этом он пересекается с до-либеральной меркантилистской экономической теорией.

Помимо дискурсивной стороны вопроса, имеются также и эмпирические данные, показывающие, что происходит некоторое перераспределение власти и разделение труда между национальными государствами, крупными бизнес-корпорациями. Последние, отличающиеся большей мобильностью и действующие в масштабах глобальных сетей, обладают определенными преимуществами по сравнению с государствами при решении ряда международных вопросов, хотя и в более узком сегментном поле. Однако государство оказывается незаменимым инструментом в ситуации серьезных катаклизмов, в частности, при необходимости введения протекционизма и других средств защиты собственной национальной экономики. Кроме того, национальные государства — основные акторы международных конфликтов и противостояния, что существенно сдерживает их потенциал участников международного сотрудничества. Бизнес-корпорации в этом смысле имеют обычно больше пространства для маневрирования. В ряде случаев они даже используют напряженность между государствами в своих интересах и провоцируют ее. Однако, разумеется, все это имеет место только в тех

случаях, когда и государства, и бизнес-корпорации преодолели свой локальный характер и вышли на международную сцену в качестве активных игроков. Государства, особенно если они вошли в какие-либо интеграционные объединения, начинают обнаруживать большое сходство во внешней среде с поведением бизнес-корпораций. Платой за это, безусловно, становится некоторое снижение уровня суверенитета, приобретающего «дырявый» характер. Или, как писал канадский исследователь Уильям Кэрролл, «неолиберальная гегемония предполагает смешение национальной гордости с дисциплинированным (основанным на рынке) космополитизмом»⁷.

Отсюда можно сделать вывод о том, что стратегии, направленные на развитие межгосударственного сотрудничества, одновременно служат усугублению конкуренции между бизнес-корпорациями, и соответственно наоборот: углубление конкуренции на хозяйственном поле ведет к укреплению межгосударственных связей. В этом смысле реальная сила государства ограничивается влиянием неолиберализма, однако в потенциале она многократно возрастает в международном масштабе. Более того, можно предположить, что в условиях глобализации возможности государства многократно расширяются. Или, как пишет такой вдумчивый исследователь как Ульрих Бек, «ограничение суверенитета посредством делегирования его в пользу наднациональных институтов не сокращает данной способности — напротив, это укрепляет суверенитет отдельного государства»⁸.

Кроме того, идея товара распространяется практически неограниченно. Все становится товаром. Неолиберализм не делает различия между рыночной эко-

⁷ Carroll W. *Corporate Power in a Globalizing World: A Study in Elite Social Organization*. Oxford: Oxford University Press. 2004. P. 171.

⁸ Бек У. Трансформация политики и государства в эпоху глобализации // Свободная мысль — XXI. 2004. № 7.

номикой и рыночным обществом. Рынок — всеобъемлющ, он признает только рыночные ценности, рыночную культуру, наконец, даже личность в первую очередь как участника рыночного торга. В этом смысле неолиберализм представляет собой возвращение к раннему либерализму, который объединял культуру, ценности и этику с экономикой. Однако он идет значительно дальше, распространяя рыночные отношения также и на частную сферу. В отличие от либерализма неолиберализм в аспекте глобализации не отрицает полностью государственного регулирования экономики, в то же время рассматривает свободный рынок и неограниченную конкуренцию как основное средство обеспечения прогресса. Обращая внимание на эту тенденцию, Ульрих Бек писал, что в эпоху глобализации государства попадают в особого рода западню — «западню национального», проводя жесткий курс на отстаивание своего суверенитета, они все активнее соперничают в борьбе за инвестиционные ресурсы, что превращает узы, связывающие государство и нацию, в препятствие на пути политических инноваций, преодолевающих национальные рамки»⁹.

Неолиберализм поддерживает идею экономического роста и прибылей через постоянное расширение торговли между национальными государствами. При этом очевидными фаворитами являются крупные бизнес-корпорации. Неолиберализм рассматривает государство как бизнес-корпорацию, предлагающую себя на рынке в качестве места для инвестиций, а не просто представляющую себя как продавца произведенных товаров. Однако это происходит только в том случае, если неолиберально ориентированное правительство находится у власти и проводит соответствующую политику. Во взглядах сторонников этой позиции глобализация предстает как интегрированная глобальная экономика, опирающаяся на экспортно-ориентированную

торговлю, для которой характерны низкие рыночные барьеры, минимальное вмешательство государства в экономику, отсутствие сильного государственного сектора, высокий уровень конкуренции в частном секторе.

Его идеология носит неомеркантилистский характер, что отражается в тезисе о том, что политика должна быть национально-государственной и направлена на повышение благосостояния своего государства, а не рынка. Как это ни парадоксально, это некая форма протекционизма: если существует глобальный рынок мест для инвестирования, тогда возникает «нечестная конкуренция» между правительствами, пытающимися представить свои страны в качестве наиболее привлекательных для внешних инвестиций. Но тогда такие правительства вовсе не становятся истинными рыночными либералами, поскольку по определению вмешиваются в экономику. Кроме того, очевидно, что это есть не что иное, как форма экономического национализма. Кроме того, перцепция формирует политическую реальность: вера в глобализацию диктует проведение неолиберальной политики. Под глобализацией соответственно они понимают неотвратимое историческое развитие в направлении глобального рынка для инвестирования, когда каждое государство превращается в бизнес-корпорацию и участвует во взаимодействии и конкуренции с такими же корпорациями на глобальном рынке. Тем самым неолиберализм и глобализация отождествляются. «Свободный рынок», таким образом, обязан своим существованием бесконечному регулированию на уровне национального государства и глобальных капиталистических институтов: Европейского Союза, Мирового банка, Организации экономического сотрудничества и развития, ВТО, при поддержке национальных государств, которые отнюдь не потеряли своего значения с точки зрения получения прибылей и концентрации капитала.

⁹ Там же.

Они все вместе гарантируют организованный процесс экономического развития, в рамках которого через взаимодействие и комбинацию в мировом масштабе различных форм и типов организаций трудящихся, обеспечивается господство капитала над трудом¹⁰.

Неудивительно поэтому, что теории неолиберализма с изрядной долей подозрительности относятся к демократии как способу регулирования и управления обществом (и это в тот период, когда начинает обосновываться и распространяться неоинтервенционизм, настаивающий на повсеместном экспорте демократии¹¹). Правление большинства вызывает существенные опасения как реальной угрозы правам личности и конституционным свободам. Они выступают за власть закона и абсолютизацию Конституции в сочетании с жесткой исполнительной властью, при этом демократия рассматривается как режим для экономически развитых обществ с сильным средним классом. Это своего рода «знак» успеха данного государства. Обратной стороной такого рода подхода становится стремление неолибералов в качестве защиты общества от потенциальных угроз, связанных с коммунизмом, фашизмом, авторитарным популизмом и другими мощными идейными течениями, усилить жесткие ограничения на демократическое управление, предпочитая решение вопросов государственной важности и связанных с регулированием рынка передать институтам недемократического характера (например, Федеральному резерву или МВФ). Отсюда неолиберальный парадокс — «серьезное вмешательство государства, правление элиты и «экспертов» в мире, где государство не должно ни во что вмешиваться»¹².

Несмотря на смену парадигмы глобализации с «концепции производительного капитала» на фундаментализм «*laissez-faire*» в отношении финансового капитала, современный транснациональный либерализм содержит изрядную долю преемственности по отношению к политическому проекту послевоенной гегемонии. Хотя «корпоративный капитализм» послевоенных десятилетий был сориентирован преимущественно на экономический рост, а неолиберализм настаивает на открытости мировой экономики, их объединяет общая приверженность частной собственности на средства производства, обмену товарами и открытости рынков. Рынок не различает тех, кто живет рядом, и тех, кто находится в географически удаленных областях. Он способствует превращению чужого, иностранного в функциональное и межличностное. На словах громко и откровенно отвергается активная роль государства, проводится линия на якобы снижение контролирующей роли государственных институтов. Но это, так сказать, «в миру». А вот модель осторожной, взвешенной, селективной неолиберальной политики, проводившейся в развитых странах, почти не обсуждается — ее как бы и не было, она остается скрытой за неолиберальной маской открытости рынков для финансовых потоков в общем мировом пространстве. Между тем именно она дает представление о сущности неолиберальной трактовки роли государства в контексте глобализации.

В 1980–1990-е годы изучением глобализации занимались главным образом американские бизнес-школы, и, что вполне понятно, им был присущ преимущественно реалистско-позитивистский подход, все еще доминировавший в этот период в академической среде. Они зафиксировали основные признаки глобализации, а именно: подъем транснациональных корпораций, рост прямых

¹⁰ Wallerstein, I. Historical Capitalism. London : Verso, 1983.

¹¹ Современная мировая политика. Прикладной анализ / под ред. А.Д. Богатурова. М. : Аспект-пресс, 2009. С. 64.

¹² Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. Русский гуманитарный

интернет-университет. Глава 3. URL: http://i-u.ru/biblio/archive/harvi_kratkaja/01.aspx

иностранных инвестиций, быстрое развитие транснациональных торговых связей, а также глобализацию финансовых потоков, иными словами, подчеркивались ее чисто экономические аспекты.

На этом этапе и были сформулированы основные принципы «неолиберальной» модели глобализации. В той или иной степени авторы того периода (например, М. Портер, Р. Рейх, К. Омак) поддерживали две основные идеи: во-первых, все более тесно интегрирующаяся мировая экономика, сформировавшаяся в последние десятилетия, основными чертами которой являются подъем транснациональных корпораций, распространение прямых иностранных инвестиций, а также глобализация финансов, бросает фундаментальный «вызов» суверенитету национальных государств, а также, во-вторых, знаменует собой окончание применения «кейнсианской модели» государственного регулирования экономики развитых стран. Соответственно, по мнению авторов этой группы¹³, национальная адаптация к глобализации предполагала принятие императива конкуренции и специфической либеральной политики. Конкурентный рыночный порядок рассматривался как утвердившийся на пространствах всего мира, в то время как неолиберальная политика поддерживала на национальном уровне утверждение конкуренции вовне. Этому соответствовал только один вариант видения будущего и соответственно «конца истории» в духе Ф. Фукуямы.

Так называемая вторая волна исследований глобализации была связана с критикой неолиберальной глобализации в основном «слева» со стороны так называемых скептиков глобализации (см., например, работы П. Херста и

Г. Томпсона, Л. Вайса, С. Хэя и М. Уотсона и др.¹⁴). В отличие от авторов «первой волны», представленной в основном неолиберализмом, «скептики» не признавали, что национальное государство, в том числе его «кейнсианский вариант», переживает кризис и упадок. Как известно, неоконсервативная и неолиберальная политика последних десятилетий привели к определенным сдвигам, смещению акцентов на частный сектор, в том числе в международном масштабе, однако возвращение «левых» партий к власти, считали они, неизбежно приведет к восстановлению традиционных форм социал-демократического регулирования экономики, в том числе и «кейнсианских». Иными словами, теоретики этой «волны» делали акцент на прогрессе национальных экономик как таковых, придавая большое значение идеям и дискурсам в определении параметров развития политической экономии и считая глобализацию их следствием.

Наконец, «третья волна» исследований в рамках спора кейнсианцев и неолибералов в основном была связана с так называемой теорией структурной зависимости¹⁵. Речь идет не просто об отрицании неолиберализма и неоконсерватизма, а также рыночной глобализации в том смысле, как ее понимали адепты неолиберализма, а о более глубоком переосмыслении капиталистического способа производства как такового. Ослабление реформистской политики в такой оптике есть следствие глобального сдвига классовых сил, связанного с тем, что глобализация идет на пользу главным образом капиталу. По мнению исследова-

¹³ См., например: Porter M. *The Competitive Advantage of Nations*. London : Macmillan. 1990 ; Reich R. *The Work of Nations: Preparing Ourselves for 21-st Century Capitalism*. NY : Knopf, 1992 ; Ohmac K. *The Borderless World: Power and Strategy in the Global Marketplace*. London : Collins, 1990.

¹⁴ Hirst P. and Thompson G. *Globalisation in Question*. Cambridge: Polity Press. 1996 ; Weiss L. *The Myth of Powerless State: Governing the Economy in a Global Era*. Cambridge : Polity Press, 1998 ; Hay C. and M. Watson. *Globalisation: Skeptical Notes on the 1999. Reith Lectures* // *The Political Science Quarterly*. 1999. Vol.70. # 4. P. 418—425.

¹⁵ Coates D. *Models of Capitalism*. Cambridge : Polity Press, 2000.

телей этого течения, преимущественно «левых» радикалов, необходимо принять глобализацию всерьез, но не просто как совокупность идей и доминирующий дискурс, а в более фундаментальном смысле как совокупность структурных императивов, имеющих свои истоки в материальных отношениях.

Смысл подхода был сформулирован Хьюго Рэдисом еще в 1980-е годы, и позднее он приобрел множество последователей. Рэдис писал: «Моя гипотеза заключается в том, что мировая капиталистическая экономика сейчас столь сильно интегрирована поверх национальных границ, что национальная капиталистическая стратегия более уже невозможна; и далее: ни капиталистический класс, ни национальное государство не могут (даже если найдут партнеров) создавать союзы, достаточно мощные для развития реформистской экономической программы на национальном базисе». Поэтому национальному государству придается сознательная автономия от капитала, что предопределяется логикой и закономерностями аккумуляции капитала, действующего на данном этапе развития как интегрированная система на глобальном уровне¹⁶.

Таким образом, рассмотрение роли государства сегодня сводится, по существу, к тому, как определиться по отношению к мобильному международному капиталу. Известный американский исследователь глобализации Кеннет Уолтц писал, что страны, которые хотят привлечь капитал, должны принять «золотую смиительную рубашку» — пакет политик, предполагающих сбалансированный бюджет, экономическое дерегулирование, открытость инвестициям и торговле, а также обеспечить стабильность своей валюты¹⁷. Иными словами,

речь идет о частичном отказе от суверенитета.

В анализе М. Родеса структурная детерминация государства внешними ограничениями «глобальной аккумуляции капитала» (марксистский эквивалент «конкурентных ограничений мировой экономики» в устах неолибералов) является крайне жесткой, поскольку предполагается, что потоки капитала на глобальном уровне *диктуют* свои условия, предписывают форму государства, представляющего для них интерес. В этих условиях для государства, принявшего условия мега-корпораций, всякая возможность осмысленных социально-экономических реформ на национальном уровне становится фикцией, причем на весьма длительную перспективу. Тем самым закрепляется противопоставление богатых и бедных наций, развитого центра финансового капитала и обслуживающего положения менее развитых государств. Опираясь на мир-системный подход И. Валлерстайна, Родес приходит к выводу о том, что «национальная экономика» становится не более чем «кейнсианским мифом», а изучение отдельных автономных государств — не более чем заблуждением. Такой жесткий критический пафос в конце концов сыграл роль детонатора в кризисе социал-демократической модели государственного регулирования¹⁸. Кроме того, недооценка автономии государства и сведение его к роли аппарата, а не агента (т.е. действующего лица) привели к тому, что сторонники этого течения не уделили должного внимания национальным моделям аккумуляции международного финансового капитала в процессе глобализации, а также они, по существу, не заметили разницы между «открытыми» и «закрытыми» экономиками.

¹⁶ Radice H. The National Economy — a Keynesian Myth? // Capital and Class. 1984. Vol. 22. P. 111–140.

¹⁷ Waltz K. Globalisation and Governance // Political Science. 1999. Vol. 32. No. 4. P. 693–700.

¹⁸ Rhodes M. The Social Dimension of the Single European Market: National versus Transnational Regulation // European Journal of Political Research. 1991. Vol. 19. No. 2–3. P. 245–280.

Выходом из спора между аналитиками глобализации «второй» и «третьей волны» может стать структуралистский подход, получающий в последнее время все большую популярность, особенно среди исследователей международных отношений и международной политической экономики в Европе. Примером может служить теория «конкурентного государства», сформулированная М. Родесом и Ф. Черны¹⁹. Анализ «конкурентного государства» начинается с аргумента, смысл которого заключается в том, что реформирование послевоенного «кейнсианского» государства с начала 1980-х годов — это почти универсальный процесс, который, по крайней мере отчасти, был вызван структурными императивами глобализации. Поэтому он вполне совместим с тезисом о структурной зависимости. Однако вопреки теории структурной зависимости анализ конкурентного государства стремится избежать экономического детерминизма и тем не менее признает роль, которую играет как государственная, так и негосударственная деятельность в конструировании структур глобализации в рамках специфического исторического контекста. Сторонники этой теории рассматривают глобализацию как всеобъемлющий процесс, а не просто как условие определенного типа развития или совокупность внешних ограничений. «В качестве процесса глобализация понимается фундаментально как взаимодействие между специфическими историческими детерминациями «деятельности» и «структуры», — подчеркивает Джерард Стрэндж, — не как зафиксированные «вещи», а как разные аспекты *исторически* детерминированных социальных от-

ношений²⁰». Так, представители школы «конкурентного государства» рассматривают и господство неолиберализма в 1980-е годы, и сопротивление действующих лиц структурным императивам глобализации как активный политический процесс, в любом случае *способствующий* глобализации. Они также признали, что главным институциональным последствием глобализации стал подрыв национальных кейнсианских моделей регулирования экономики. В последнее десятилетие XX в. и в начале XXI в., по их мнению, фиксируются альтернативные кейнсианству модели регулирования, которые вполне успешно совмещаются с конкурентными ограничениями глобализации.

В отличие от теории «структурной зависимости» школа «конкурентного государства» считает, что торжество неолиберализма и разрушение «социального рыночного капитализма» отнюдь не являются неизбежным следствием глобализации. Способы адаптации национальных экономик к внешним конкурентным императивам должны различаться специфической формой, несмотря на общий неолиберальный тип регулирования. Отсюда — большое разнообразие моделей поведения участвующих в глобальной конкуренции государств. На одном конце спектра — модель благосостояния неолиберализма (иногда ее называют англо-американской моделью). В огрубленной форме ее можно охарактеризовать как «ответ» на императивы глобализации на основе низкой производительности, низких зарплат и низкого уровня социального обеспечения (отсюда — вывод производственных мощностей в страны с низким уровнем доходов). На другом конце спектра — страны с сильными социальными программами, высоким уровнем производительности труда, вниманием к технологическим ин-

¹⁹ Rhodes M. The Future of the “Social Dimension”: Labor Market Regulation in post 1992 Europe // Journal of Common Market Studies. 1992. Vol. 30. No. 1. P. 23–52; Cerny P. Globalisation and the Erosion of Democracy // European Journal of Political Research. 1999. Vol. 35. No. 5. P. 1–26.

²⁰ Strange G. First Wave and Second Wave Analysis of Globalisation // EPS. European Political Science. Spring, 2003. P. 47.

новациям («немецкая» или «европейская модель», или «конкурентный корпоративизм», по Родесу).

Соответственно внутри самой школы «конкурентного государства» четко прослеживаются оптимистические и пессимистические оценки будущего государства. К числу «оптимистов» можно отнести, например, Мартина Родеса, считающего, что сильное национальное конкурентное государство до определенной степени вполне совместимо со все более открытой региональной и мировой экономикой, в особенности на макро-экономическом уровне²¹. «Пессимистом» следует считать П. Черны, уверенного, что переход от государства благосостояния к конкурирующему государству в конце концов завершится общей конвергенцией вокруг слабой неолиберальной модели благосостояния, что означает возвращение к идее «структурной зависимости» по отношению к глобализации²².

Рыночная конкуренция, как утверждают теоретики неолиберализма, лучше других методов определяет и служит «публичному интересу», поскольку индивиды имеют все возможности выразить свой выбор через рынок. Индивидуальная свобода и процветание максимизируются, поскольку происходит эффективная аккумуляция капитала, люди могут приобрести то, что они хотят, по ценам, определяемым с помощью закона спроса и предложения, а богатство служит общему благу. Государство, в соответствии с этой логикой, не имеет ни управленческого потенциала для руководства экономикой, ни достаточного легитимного авторитета для этого: оно отнюдь не работает на пользу общества.

Поэтому государственного центрального планирования, государственной собственности на промышленность, инициированных государством социальных программ и государственного регулирования заработной платы, равно как и экономической политики в целом, следует избегать, если не ставится задача подорвать предпринимательскую деятельность, сократить индивидуальные свободы и заведомо неэффективно распоряжаться имеющимися ресурсами. Короче говоря, лучшее правительство — очень маленькое правительство.

Именно рыночная конкуренция должна стать организующим принципом все более широких сфер жизни начиная с производства автомобилей и кончая медицинскими услугами (в последнем случае есть заметные различия между странами). Руководствуясь подобными принципами, Мировой банк и МВФ по отношению к странам «Юга» воспользовались возможностями, открывшимися в результате долгового кризиса 1980-х годов, настаивая на том, чтобы страны-должники максимально убрали государство из экономики как цену за кредиты. На «Севере» аналогичные меры (хотя официально они никогда не назывались программами структурного приспособления) также были введены, что привело к сокращению расходов на публичный сектор и в целом способствовало росту эффективности сферы услуг.

Тем не менее, несмотря на провозглашенные программы, реальные результаты 30-летнего доминирования принципов неолиберальной экономики способствовали сокращению государственных расходов отнюдь не в тех масштабах, как это первоначально задумывалось. Наоборот, имеются свидетельства заметного роста мощи и влияния ряда наиболее развитых стран. Заметно возросло их вмешательство в экономику развивающихся стран, т.е., убрав их собственное государство, они мгновенно заполнили их место «своими» государствами, причем это относит-

²¹ Rhodes M. The European Welfare State: A Future of Competitive Corporativism? // The Future of European Welfare State. Ed. By M. Rhodes and Y. Meny. Basingstoke : Macmillan, 1998.

²² Cerny P. Globalisation and the Erosion of Democracy // European Journal of Political Research. 1999. Vol. 35. № 5. P. 1–26.

сы не только к бедным странам «Юга», но теперь уже и государствам постсоветского пространства, а также слабейшим членам ЕС. Не являются большим секретом цифры, подтверждающие значительный рост государственных расходов в странах ОЭСР (в среднем до 50% ВВП). В развивающихся странах также сократился не слишком радикально и составляет в среднем 25% ВВП.

Иными словами, неолиберальная политика не только не покончила с государственной бюрократией, наоборот, она лишь реорганизовала ее. Например, приватизация государственной индустрии способствовала во многих случаях сокращению участия государства в производстве, а также распространению многих товаров и услуг, однако этот процесс сопровождался новой системой государственного регулирования, субсидиями и созданием новых институтов ради создания «благоприятной среды» для приватизированных производств. Более того, несмотря на широко разрекламированное сокращение государственного участия в экономике, оставаясь прямыми производителями экономических товаров и услуг, государства по-прежнему занимают важное место в процессе производства, распределения и обмена не только через формирование налоговой политики, установку учетной ставки (там, где не были созданы независимые от государства центральные банки), направление субсидий в отдельные отрасли промышленности и сельского хозяйства, распределение государственных заказов, установление стандартов сохранения окружающей среды, финансирование инфраструктуры и т.д. В этих секторах, а также в сфере образования и здравоохранения заметны процессы создания множества новых институтов. Кроме того, заметна тенденция к усилению репрессивных функций государства не только ради сдерживания растущего публичного протеста против неолиберализма, но и под предлогом распространения терроризма. Иными слова-

ми, маленькое неолиберальное государство обнаружило сильную тенденцию к мимикрии и расползанию. И это общемировая тенденция.

Ситуация усугубилась в период глобального кризиса, начавшегося в 2008 г. Весьма убедительной представляется гипотеза, высказанная организаторами круглого стола журнала «Полис»: «человечество столкнулось отнюдь не с очередным финансовым кризисом, а с первым кризисом глобализации как таковой, быть может, со всеобщим кризисом мироустройства»²³. Крупные корпорации вновь обратились к государству «за помощью», еще раз доказав, что рассматривают его как «страховку» на случай кризиса, в чем-то аналогичную роли феодала в лихую годину, когда крестьяне шли к нему за помощью. По-видимому, подчеркивает российский исследователь А. Орлов, «эффективность частной инициативы имеет определенные границы, оптимальную сферу ее реализации»²⁴. Что же касается неолиберальной модели глобализации, то, как показали обсуждения (например, на Давосском экономическом форуме 2010 г.), большинство выступающих не видят альтернативы неолиберальной модели развития, особенно для развивающихся стран в условиях глобализации. И опять государственная политика развитых стран как бы «не обсуждается», вернее, обсуждается, но только в той части, где речь идет о конкретной «помощи» крупным корпорациям и мерах по поддержке потребительского спроса. Сама же модель неолиберального государства, похоже, сумела сохраниться, по крайней мере, пока, в очередной раз продемонстрировав свою уникальную гибкость и способность к усвоению новых параметров и требований.

²³ «Господин Кризис, как Вас теперь называть?». Круглый стол. // Полис. 2009. № 3. С. 9.

²⁴ Орлов А. Уроки кризиса для мировой экономики // Обозреватель — Observer. Сентябрь 2009 г. № 9 (236). С. 41.

Однако в период кризиса вновь наглядно продемонстрировал себя главный парадокс неолиберальной модели государства. Можно согласиться с мнением Ульриха Бека, что, «с одной стороны, идеалом такой модели является минималистское государство, все возможности которого направлены на укоренение в той или иной стране правил, принятых глобальной экономикой. Государства, «лояльные» мировому рынку, должны быть исключительно подвижными, способными допускать непринужденную смену правительств, конкурировать с максимально широким кругом подобных им государств и в предельно возможной степени воплощать в своих институтах неолиберальный рыночный порядок. Однако, с другой стороны, рыночное дерегулирование и приватизация общественного сектора не могут быть реализованы слабым государством. Для этого нужна мощная власть, так как юридические установления, соответствующие принципам функционирования мировой экономики, должны быть санкционированы государством и про-

ведены в жизнь зачастую вопреки общественному сопротивлению»²⁵. Бек даже признает, что государства могут и должны заставлять свои народы принимать интернациональные правила игры «задним числом», подводя под них легитимную базу в нарушение демократических процедур, поскольку свобода действий мировой экономики — важнее. Отсюда вытекает вполне закономерный вывод: неолиберальное государство по определению должно одновременно сокращать и усиливать власть национальных правительств, по существу развязывая им руки для деятельности, которую они сочтут целесообразной в данный исторический момент для оптимизации и роста своей экономики. Отсюда — хаотичность и даже разноректорность его развития в разных регионах мира, а возможно, также и нестабильность формы и противоречивость природы.

²⁵ Бек У. Трансформация политики и государства в эпоху глобализации // Свободная мысль — XXI, 2004. № 7.